

Вергилий

Слетает птицекрыл с квитанцией от бога
на божий свет взаимы, золоторунный век.
Младенец мирно спит. Четвертая эклога:
Жди, человек.

Вся в золоте листвы приходит осень снится,
не разгадать ее пророчеств никогда,
патруль границ и меж, над головою птица,
с небес – вода.

Этрусских дисциплин почтенный мантуанец,
где царствие твое, пророчества руда?
Крошит в песок базальт и слущивает сланец,
вода,

«Фарсалия» времен, и камни межевые
обманутых богов несет поток с горы
в Перузию руин, и мы с тобой живые –
лишь до поры...

Шелли

Ты, посетивший смутные места,
Мне рассказал о каменном колоссе,
Почившем за пределом пустоты
В малиновом от ужаса Востоке.
...Песком сбегало время под уклон,
Одетый в золотую кожу света,
Пустыни Озимандис, Царь Царей,
Восстал из контура неровной синей тени.
Голеностопы попирали остов

Увязшего в пространстве мегалита,
В подножье развалилась голова,
Страх заставлял вращаться небосвод.
Витийствовали губы медным светом:
«Воззри, скиталец, бесприютный духом,
На то, как смерть приобретает форму
В распаде тел, висящих в пустоте.
Я, закрывавший солнце царским пальцем,
Теперь лишь точка сна и невозврата,
Изытая из праздного соблазна
Навечно быть заменою огня.
В самом себе мне многое открылось:
Свет жизни скуден, рассечён на части,
Он крошится в расточенном пространстве
На лепет, шорох, суету теней».

Гоголь

Он задумчивая птица – тонкий нос и белый локон,
Пара карих, очень острых, утомленных в глубине.
Выезжает на прогулку, под ногами праздный Невский,
Гулко цокают сапожки, их имеет десять пар.
Не по моде и без вкуса, машет палкою неловко,
То ли аист, то ли цапля, то ли птица-секретарь.
Неприветливо, небрежно, свысока и плутовато,
Гладко стрижены височки, чисто выбриты усы.
Нос ли, клюв, пристроив в бездну, море бурное людское,
Ловит рыбку и бросает в пеликаний свой мешок.
А потом круги мотает и разводит на конторке,
Вяжет почерком некрупным искривленную комедь.
Свет ползет к Неве угрозой, звезды голые глотает,
Загорается недобрым и зеленым изнутри,
И отрыгивает в сумрак убиенного котенка
И ползет, ползет, не гаснет криком с палкою в руке.

Мицкевич

Палатки, лагерь в миле от Скутари,
Барышники, турецкие торговцы,
солдаты, лошади, обозные телеги,
взбираются к нагорью, в лазарет.

Мундиры обтрепались, прохудились,
глаза запали, черные, как черти,
покойники завернуты в попоны,
арбы и флаги, полусгнивший пирс.

Разнеженные виллы тают в дымке,
по фосфорным грядам кипит дорожка –
купают море заспанное солнце,
мечети, кипарисы и сады.

А здесь – война, отбросы, хляби, крысы,
мир затопляет хилый свет с Востока,
и покидает левантийский берег
труп лошади под балдахином мух.

Одело утро золотистым нимбом
поэту голову, что стар теперь и болен,
на берегу «За упокой» читает
окаменело с требником в руке.

Плывут пред ним утесы Инкермана,
чалма из туч, созвездий крымских иней,
мятежный парус вольной белой птицей,
эдемских роз сокровища Аллы.

...Грохочет дождь, ползет на Балаклаву,
стекается в бордовые разводы.

Пальба из пушек, тьяканье команды,
и хлещет кровь из вырванных кишок...
Все стихло разом, будто хлопнул кто-то
открытой дверью в день былой Адама,
и ухо звука ждет, но не расслышать
и зов с Литвы, и смерти хищный зов...

Блок

Подсекая дождевые плети,
Ветер гонит палую листву.
Крестonosец умер на рассвете:
Смерть от грез во сне и наяву.

Побредет на солнечном осляти
В радужной мечты Ерусалим.
Полыхают грозовые рати,
И костер походный стелет дым.

Там внахлест не дождь, а только манна,
Гроб Господень манит глубиной,
Там платок уронит донна Анна
Не в одно столетие длиной...

Волошин

«Киммерийские сумерки» – так назывались стихи,
Были воды спокойны, покорны, сонливы, тихи,
как укрытый за кромкой воды мусульманский Восток,
был рассвет неумыт, а поэт-бородач босоног.

Так навязчива шалость: бумага, мольберт, акварель!
Резвый козлик скакал, и тянулась тесьмою свирель.
Холодок на веранде и детский раскатистый смех.
Было время любви, неуёмных ребячьих утех.

На холмах обожженных полынь уставала ржаветь,
облака остужали кипучую жаркую медь,
отбивали тяжелые крылья ветра о хребет,
жгло библейское лето, был ветхим – завет...

Неотвратные осыпи, зубчатый бурый венец,
чуть заметные пятна ползущих по склону овец,
багровеющий чобр, не уставший парить кипарис,
коктебельское солнце нагое, без праздничных риз.

Ходасевич

Где Париж улётся на ночь,
Лёгкой поступью идет
Владислав Фелицианьч,
В ногу с ним – бездомный кот.
Кот роскошен, как царевич:
Бакенбарды и усы,

С грустью смотрит Ходасевич
На карманные часы.
Им давно пора проститься,
Им «прощай!» сказать пора,
На мосту фонарь дымится
Синей струйкой до утра.
В них стрелы вонзает коготь
Хитрый мраморный амур.
«Помолчим ещё немного,
Мур?» – и кот ответит: «Мур!»

Вергинский

Ты раскрыл глаза: был и крив, и пьян
Старый клоун, маэстро с больным лицом,
За спиною ангелы смех, канкан,
И помада выжженным багрецом.

Неизбежна встреча, двум парам глаз
Было тесно в желтом, как воск, раю.
Там, в ночном притоне, играли джаз,
Желатин-лимон-заливном краю.

Скрой, молчи, что видел священный сон:
Небо, воздух соткан в тугую плоть,
Мотыльковых крыл золотой виссон –
И к тебе в глазницу сошел Господь.

Он все лучшие реплики взял себе,
Нимб, макушки плешь, желтой пакли клок
На усталой клоунской голове.
Цирк закрыт, адью, засыпай, сынок.

Нам на лысины с неба текла шампань,
А теперь всё выжжено добела,
Кто-то Божьи свечи в такую рань
Потушил, ушел... Ну и все дела.

Кафка

К Фелице Бауэр стократная поездка.
Так обручаются с невнятной судьбой.
Трагикомичность нудного гротеска:
Экстаз и пас, горячность и отбой.

Фальшивая улыбка на перроне,
Четыре дня обещанной грозы.
Никто при целованье не уронит
Ни капельки искусственной слезы.

Утраченное так же достоверно,
Как смерть под абажуром, мошкара.
Ты — поскользнулась, я — ошибся скверно
Пять лет назад, а может быть, вчера...

Не проступая из застывшей массы,
Кондуктор времени попятится назад.
Вокзал, свисток, смущение, гримасы...
Auf Wiedersehen! Прощай, Мариенбад!